Международные процессы, Том 17, № 2 (57), сс. 131–148
DOI 10.17994/IT.2019.17.2.57.7

КРИЗИС ОТНОШЕНИЙ ФРГ И США НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ПОЛИТИКО-ВОЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

ФИЛИПП ТРУНОВ
ИНИОН РАН, Москва, Россия

Резюме

Во второй половине 2010-х годов Запад сталкивается с масштабными вызовами не только извне, но и изнутри, причём источниками последних стали США и Великобритания, сыгравшие огромную роль в формировании и динамичном развитии евроатлантического сообщества. К глубокой трансформации отношений внутри сообщества с пересмотром сложившихся норм поведения и снижением роли многосторонних структур стремится администрация Д. Трампа, а ключевым защитником традиций выступает ФРГ. С 1990-х годов эта страна постепенно двигалась к статусу региональной, а с начала XXI в. – глобально действующей державы. Происходящие в евроатлантической региональной подсистеме процессы расширяют Германии «окно возможностей» для упрочения лидерства на всех уровнях. Задача настоящей статьи – изучить динамику, промежуточные итоги и перспективы развития отношений ФРГ и США при администрации Д. Трампа в политико-военной области. Основными методами исследования выступают ивент-анализ и компаративный анализ. Проведено сравнение двух кризисов в отношениях ФРГ и США: 2002–2005 гг. и современного. Показана нелинейная динамика и многогранный характер последнего, особенно в области безопасности вообще и в рамках НАТО в частности. Выделены три основных этапа в отношениях ФРГ и США после 2016 года. Изучены особенности использования Германией своих политико-военных возможностей на каждом из этих этапов в ответ на «сугубо наступательную» дипломатию 45-го президента США, в том числе на создание им «стратегических шоков» для партнёра. Особое внимание уделено ответной стратегии ФРГ, сформулированной к сентябрю 2018 года. Рассмотрены возможности России по углублению диалога с Германией и Соединёнными Штатами Америки на фоне кризиса их отношений. Сделан вывод о высокой вероятности преодоления противоречий между ФРГ и США.

Ключевые слова:

Германия; США; Трамп; внешняя политика; НАТО; международная безопасность; международный терроризм.

Модель внешнеполитического поведения стран и институтов Запада, сложившаяся после окончания «холодной войны», основывалась на представлении о евроатлантическом сообществе как оплоте политической стабильности, использующем широкий спектр инструментов (включая военные) для противодействия *внешним* угрозам. При этом большинство их очагов находилось на значительном удалении от границ традиционной зоны ответственности НАТО. В 1990-х годах исключением из этого правила стали вооружённые конфликты при распаде Югославии. Вместе

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.09.2018
Дата принятия к публикации: 15.01.2019

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: 1trunov@mail.ru

с тем по масштабу и, что не менее важно, по возможности контролировать их развитие они де-факто не представляли серьёзной опасности для стран–участниц альянса. Начиная с террористических актов 2001 г., Запад столкнулся с внешней угрозой безопасности своей территории, что стало для него «стратегическим шоком».

Ситуация ещё более усложнилась в середине – второй половине 2010-х годов. Масштабные и сохраняющиеся в течение долгого времени очаги нестабильности возникли уже в *непосредственной близости* от границ евроатлантической региональной подсистемы, расширившихся после окончания «холодной войны». Гражданские войны в Ливии (с обрушением института власти на центральном уровне) и Сирии имели следствием перенос в государства–члены ЕС двух тесно связанных угроз – активизации международного терроризма и неконтролируемой массовой иммиграции. Чуть позже, в 2014 году, начался вооружённый конфликт на востоке Украины, который существенно отличается от югославских сценариев по масштабу и возможности реального урегулирования, что показали вспышка боевых действий после подписания первых минских договорённостей и трудности имплементации «Минска-2». Главное отличие данных конфликтов состоит в их продолжительности и степени негативного влияния на отношения России и Запада. Со времени украинских событий усиливается конфронтация сторон, к настоящему времени приобретшая полноценное военно-политическое измерение с наращиванием военной инфраструктуры (склады вооружений и военной техники, штабы, узлы связи, центры подготовки резервистов) и войск на ротационной основе у восточных рубежей НАТО.

Параллельно внутри самого «коллективного» Запада возникли не менее масштабные вызовы. Положительный исход референдума по выходу Великобритании из ЕС (май 2016) и победа Дональда Трампа на выборах президента США (ноябрь 2016), за которыми последовали переговоры по Брекзиту и ослабление связей Вашингтона с европейскими партнёрами. Примечательно, что инициаторами этих процессов стали англосаксонские державы, традиционно воспринимаемые в качестве несущих опор архитектуры евроатлантической региональной подсистемы. Между тем ещё при Бараке Обаме раздавались первые упрёки США в частичном самоустранении от обеспечения европейской безопасности. Так, видный аналитик НАТО Дж. Лаф указывал на отказ Соединённых Штатов от участия в «нормандском формате» – переговорной площадке, учреждённой ФРГ и Францией в июне 2014 г. для демонстративно вынужденного взаимодействия с Российской Федерацией по урегулированию на востоке Украины [Lough 2018: 8–11].

На этом фоне задача хотя бы формального сохранения евроатлантической солидарности стран требует от западного истеблишмента, принципиально заинтересованного в подобной стабильности, неординарных решений – в первую очередь, перераспределения ответственности и влияния между игроками. В частности, существенно более значимую роль стремится играть Германия. Она являет собой пример едва ли не единственного государства Запада, чьи политический вес и ресурсная база после окончания «холодной войны» не только не уменьшились, но, напротив, возросли.

До 1990-х годов Западная Германия во внешнеполитической сфере, особенно в вопросах обеспечения обороны и безопасности, находилась в положении ведомого «старшими партнёрами» по НАТО (США, Великобританией, Францией). Объединившаяся ФРГ стала позиционировать себя как новый центр влияния: об этом символизировал перенос столицы из Бонна в Берлин в 1999 году. В 1990-х – середине 2000-х годов Германия оказала сильное влияние на переформирование политической архитектуры постюгославского пространства и на процесс расширения НАТО на восток. Это позволило официальному Бонну/Берлину утвердиться в статусе региональной державы. Практически сразу после объединения двух германских государств (1990) ФРГ начала использовать

бундесвер за пределами ответственности НАТО. При этом масштаб и особенно география этой деятельности постепенно расширялись, в первую очередь вследствие активного небоевого использования военных в нестабильных государствах Азии и Африки. Свои действия Германия подкрепляла дипломатическими и внешнеэкономическими инструментами, постепенно продвигаясь к положению полновесного глобального игрока.

В 1990-х годах этот процесс протекал в тесной координации с США, особенно по политико-военным вопросам. Дивергенция, в том числе латентная, стратегических линий двух партнёров началась в 2000-х. Она была обусловлена стремлением Германии превратиться в параллельный Соединённым Штатам центр влияния как в евроатлантической региональной подсистеме, так и на глобальном уровне. Отличительными чертами внешнеполитической линии ФРГ стали, *во-первых*, усилия по расширению возможностей ЕС (в том числе политико-военного потенциала) с одновременным увеличением веса европейских стран в принятии и реализации решений НАТО. *Во-вторых*, при использовании своего военного потенциала официальный Берлин придерживается принципа «стратегической сдержанности». Он подразумевает преимущественное небоевое применение бундесвера за пределами альянса (в основном в деятельности по миротворчеству и поддержанию мира), а также сокращение объёмов участия в учениях, которые могли бы спровоцировать неконтролируемую эскалацию напряжённости – в частности, проводимых под эгидой НАТО в Восточной Европе в 2014 году [Трунов 2016: 34–38].

При «зрелом Шрёдере» (2002–2005) движение ФРГ к самоутверждению в качестве параллельного США центра притяжения привело к глубокому кризису двусторонних отношений. Первая его фаза была спровоцирована отказом Берлина оказать прямую военную и политическую поддержку администрации Дж. Буша-мл. при вторжении в Ирак (2003). Новый виток обострения последовал за выдвижением «красно-зелёным» кабинетом проекта реформы НАТО на 41-й Мюнхенской конференции по безопасности (2005), который предполагал «политизацию» и «европеизацию» блока (в вопросах принятия решений), а также полный (!) вывод войск США из Германии[1].

На протяжении большей части «эры Меркель» тренд на расхождения между Берлином и Вашингтоном находился в латентной форме. Спад во взаимоотношениях после отказа ФРГ предоставить войска для проведения силовой операции в Ливии (2011) был существенно менее глубоким, чем в 2003 году [Арзаманова 2011: 12–13]. Однако приход к власти Д. Трампа стал отправной точкой общего кризиса трансатлантических отношений, в ходе которого имеет место наложение двух тенденций: отмеченного выше стремления Берлина к повышению удельного веса на всех уровнях и одновременного серьёзного ослабления связей США с Германией.

Задача настоящей статьи – оценить динамику, промежуточные результаты и перспективы развития противоречий ФРГ и США в политико-военной области. Для этого проведено сравнение качественных характеристик двух периодов спада отношений с Соединёнными Штатами (в 2002–2005 гг. на фоне иракских событий и после 2016 года), дана периодизация последнего, отражена эволюция тактики и стратегии сторон. Приоритетное внимание уделено «проблемным узлам» по линии НАТО. Основными методами исследования выступают компаративный анализ и ивент-анализ.

Осложнение диалога США с ФРГ и другими партнёрами по ЕС стал предметом изучения, в том числе западных исследователей, вскоре после прихода Д. Трампа

[1] Rede von Kanzler Gerhard Schröder auf der XLI. Münchner Konferenz für Sicherheitspolitik, 12.02.2005. URL: http://www.ag-friedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2005-schroeder.html (дата обращения: 16.09.2019).

к власти. В появившихся публикациях анализируются противоречия сторон на ряде треков. Среди них вопросы внешней торговли [von Daniels 2018; Schmieg 2018], борьбы с изменением климата [Dröge 2018], иранской «ядерной сделки» [Lake 2018; Rudolf 2018a], позиций ФРГ в Североатлантическом альянсе [Major 2018]. В контексте последнего вопроса отмечается, что США при лоббировании своих интересов в альянсе полагается на угрозы вывести контингенты конвенциональных войск, а также сократить усилия по поддержанию «ядерного зонтика» над Европой [Overhaus 2019: 5–10]. Однако эффективность использования данных инструментов применительно к ФРГ стоит поставить под сомнение как с учётом её растущих военных возможностей, так и существенно более рационального, чем в странах Восточной Европы, восприятия «российской угрозы».

Если российские авторы солидарны в характеристике современного состояния отношений ФРГ и США как кризисного [Пименова, 2019], то западные (в том числе германские) выбирают более осторожные определения. Интересно, что аналитики из ведущих «мозговых трестов» ФРГ (прежде всего SWP) избегают какой-либо увязки мер по наращиванию военного потенциала Германии (в том числе численности личного состава) с соответствующими требованиями администрации 45-го президента США [Schulz 2019: 2–4]. При этом немецкие исследователи подчёркивают, что при Д. Трампе США впервые за длительный (почти 80 лет) промежуток времени отошли от добровольно принимаемой роли лидера «западных демократий», то есть либерально-интернационалистской парадигмы, в пользу преследования узко трактуемых национальных интересов в жёсткой форме [Rudolf 2018b: 1–6]. Возрастающее беспокойство германских аналитиков вызывает и выход Соединённых Штатов из Договора о ракетах средней и меньшей дальности – особенно на фоне добровольного самоограничения ФРГ по отказу от производства, владения и распоряжения ОМУ (что зафиксировано в договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 года) [Meier 2019: 1–4].

Несмотря на подробное освещение отдельных вопросов и ряда магистральных тенденций развития отношений Германии и США на современном этапе, комплексная попытка проследить эволюцию взаимных подходов (особенно со стороны Берлина) к решению политико-военных проблем пока не проводилась.

1

Насколько отличаются по своим качественным характеристикам два наиболее глубоких в истории ФРГ кризиса отношений с США: 2002–2005 гг. и современный? В первом случае «ледниковый период» в двусторонних отношениях на высшем уровне продлился рекордные 16 месяцев (с мая 2002 по сентябрь 2003). Контакты возобновились в ходе рабочей встречи на полях Генеральной Ассамблеи ООН, а не в формате двусторонних переговоров, причём инициатором «разморозки» выступила ФРГ[2]. Первая встреча Дональда Трампа с Ангелой Меркель состоялась 17 марта 2017 года, то есть спустя 2 месяца после инаугурации 45-го президента США, во время государственного визита канцлера Германии[3]. А. Меркель была принята новой американской администрацией раньше большинства лидеров государств–членов ЕС, но много позже премьер-министра Т. Мэй (28 января 2017). В 2017–2018 гг. прямые контакты канцлера ФРГ и президента США включали по три личные встречи и четыре телефонных разговора в год.

[2] См.: Die Aussöhnung gibt es für die Kameras //Frankfurter Allgemeine. URL: http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/schroeder-trifft-bush-die-aussoehnung-gibt-es-fuer-die-kameras-1118936.html (дата обращения: 16.09.2019).

[3] Joint Press Conference with President Trump and German Chancellor Merkel //White House. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-press-conference-president-trump-german-chancellor-merkel/ (дата обращения: 16.09.2019).

За первые восемь месяцев 2019 г. прошли ещё три встречи (в ходе параллельных визитов в Великобританию и саммитов «группы двадцати» и «группы семи») и состоялся один телефонный разговор[4]. За два с половиной года своего президентства Д. Трамп не совершил ни одного (!) официального визита в Германию, лишь посетив её в ходе саммита «группы двадцати» в Гамбурге (2017) и внезапной инспекции базы ВВС США «Рамштайн» (декабрь 2018 года[5]; на территорию базы распространяются экстерриториальные права Соединённых Штатов). Вплоть до конца августа 2019 г. власти ФРГ не направляли американскому президенту официальных приглашений.

Период ухудшения отношений при Герхарде Шрёдере продолжался до проигрыша возглавляемой им коалиции на выборах в бундестаг (сентябрь 2005), то есть свыше трёх лет. Современный кризис, учитывая отсутствие признаков его завершения в ближайшей перспективе, скорее всего, будет более длительным. Если в 2002–2005 гг. ухудшение проявилось лишь в политико-военной плоскости, то в 2010-х противоречия охватили широкий спектр направлений, в том числе внешнюю торговлю, которая традиционно рассматривается ФРГ как основной инструмент упрочения позиций на глобальном уровне [Lough 2018]. Практически сразу после инаугурации Д. Трамп «заморозил» переговоры по Трансатлантическому торгово-инвестиционному партнёрству (ТТИП), а с мая 2018 г. инициировал поэтапно развивающийся сразу по нескольким параллельным трекам «тарифный конфликт» с ЕС, начав с резкого увеличения ввозных пошлин на сталь и алюминий[6].

Не меньшую значимость имеет ценностно-идеологическое измерение современных противоречий. Традиционно США воспринимались в качестве ключевого оплота западной демократии. В период после окончания Второй мировой войны именно Соединённые Штаты выстраивали политическую систему ФРГ на основе собственных ценностных и институциональных представлений. В то же время для западного истеблишмента Д. Трамп – политик внесистемный, косвенным подтверждением чего выступает конфликт президента с Конгрессом. Попытки его делегитимации, в первую очередь посредством педалирования «российской темы» (завершившиеся полным фиаско по итогам расследования специального прокурора Г. Мюллера весной 2019 года), существенно ослабляют и восприятие США как ключевого адепта демократических ценностей Запада. На это место начинает претендовать ФРГ, последовательно позиционирующая себя как зрелая парламентская демократия и защитница либеральных представлений.

По сравнению с 2002–2005 гг. расширился и спектр противоречий в военно-политической плоскости. При Г. Шрёдере центральное значение имели разногласия по войне в Ираке как прецеденте *превентивного* использования военной силы Западом вне его зоны ответственности. В 2010-х годах жёсткое противление ФРГ признанию США Иерусалима столицей Израиля (декабрь 2017) и выходу Вашингтона из иранской «ядерной сделки» (май 2018) показало возросшую по сравнению с началом 2000-х годов готовность Германии демонстрировать неприятие односторонних действий партнёра, разрушительных по своим последствиям.

Параллельно нарастают разногласия в оценке перспектив архитектуры европей-

[4] Рассчитано автором на основе данных с сайта Ведомства федерального канцлера. URL: https://www.bundesregierung.de/Webs/Breg/DE/Bundesregierung/Bundeskanzleramt/_node.html (дата обращения: 16.09.2019).

[5] Trump surprises troops with stopover in Ramstein, western Germany //The Local. URL: https://www.thelocal.de/20181227/trump-survive-visit-to-germany (дата обращения: 20.08.2019).

[6] Donald Trump signs order for metals tariff plan, prompting fears of trade war //The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/us-news/2018/mar/08/donald-trump-metal-tariffs-trade-war (дата обращения: 16.09.2019).

ской безопасности с точки зрения соотношения сил и ответственности (трансформирующегося) НАТО и ЕС. Сравним созданные при Г. Шрёдере силы быстрого реагирования Европейского Союза (EUFOR) с платформой PESCO (Permanent Structured Cooperation), которая была запущена в ноябре – декабре 2017 г. при ведущем участии Германии и Франции, а также Нидерландов (численность и уровень боеспособности в рамках платформы не были доведены до плановых показателей). Силы EUFOR должны были «разгружать» альянс по формуле «Берлин+» (2003) в операциях, проведение которых не входит в интересы блока НАТО. PESCO создаются с гибкой двухуровневой структурой. Нижний уровень (Центр проектов, изначально включал 17 комитетов, в ноябре 2018 года – 34, каждый для продвижения конкретной задачи группой в составе 2–15 стран-участниц) направлен на углубление военно-технического сотрудничества. Верхний уровень (Совет) – площадка для согласования широкого спектра профильных вопросов: от координации строительства национальных вооружённых сил до их использования[7]. PESCO в случае успеха может стать «мягкой» (то есть используемой для небоевых операций) альтернативой НАТО под эгидой ЕС и тем облегчать диверсификацию внешней политики ФРГ.

2

Какие этапы разумно выделять в эволюции современного эпизода обострения отношений ФРГ и США? *Первый* этап (с ноября 2016 по июнь 2017) можно условно обозначить как «постшоковая депрессия» Германии, которая безуспешно призывала вновь избранного президента США принять сложившиеся нормы поведения западной элиты, в том числе приверженность политической игре по формуле «+ +», то есть действий, выигрышных для партнёров по обе стороны Атлантики[8]. При этом ставилась цель предотвратить паралич действующих (НАТО, ЕС) и вновь создаваемых (ТТИП) институтов евроатлантического сообщества. Заявления официальных лиц ФРГ (канцлера, президента бундестага, главы МИД) в связи с действиями США были эмоциональными, но практические шаги истеблишмента ФРГ отличала нехватка решительности, присущей Д. Трампу.

С поставленными задачами германская сторона справилась лишь на «удовлетворительно». С одной стороны, после встреч с А. Меркель (и, что не менее важно, с Т. Мэй) Д. Трамп перестал рассматривать НАТО как архаичную структуру. Кроме того, он оставил в силе решение администрации Б. Обамы по наращиванию военного присутствия США на восточноевропейских рубежах альянса. Вместе с тем Белый дом стал настаивать на ускоренном росте военных расходов ФРГ до уровня не ниже 2% ВВП к 2024 году[9].

На саммите «группы семи» в Таормине (26–27 мая 2017) Д. Трамп дал понять, что Соединённые Штаты отдают предпочтение ведению дел по двусторонним, а не многосторонним каналам, что чревато ослаблением сплочённости евроатлантического сообщества. Для Германии такое положение некомфортно. Официальный Берлин позиционирует себя как «адвокат» групповых интересов ЕС и континентальных европейских стран–участниц НАТО. С этой

[7] Permanent Structured Cooperation (PESCO) updated list of PESCO projects – Overview – 19 November 2018 Project and countries part // European Union. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/37028/table-pesco-projects.pdf (дата обращения: 16.09.2019).

[8] См.: Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel zum Ausgang der US-Präsidentschaftswahl am 9. November 2016. // Bundesregierung. URL: https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2016/11/2016-11-09-statement-merkel-us-wahlen.html (дата обращения: 16.09.2019).

[9] Joint Press Conference with President Trump and German Chancellor Merkel, 27 January 2017// White House. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-press-conference-president-trump-german-chancellor-merkel/ (дата обращения: 16.09.2019).

точки зрения вполне объяснима жёсткая критика президентом бундестага Н. Ламмертом Вашингтона за протекционистские устремления и попытки поставить национальные интересы США выше, чем общие цели евроатлантического сообщества[10].

Серьёзную озабоченность Германии вызвало свёртывание участия Вашингтона в переговорах по ТТИП и его выход из Парижского соглашения по климату. Эти односторонние действия продемонстрировали не только примат экономических целей над собственно политическими, военными, экологическими, но и пренебрежение к ЕС, что вызывало ответную реакцию[11].

Выход США из Парижского соглашения обозначил переход ко *второму* этапу (до мая 2018) обострения отношений двух стран. Он проходил под знаком «сугубо наступательной» дипломатии Д. Трампа в отношении официального Берлина. Характер действий и заявлений президента Соединённых Штатов отчасти обусловлен стереотипом мышления бизнесмена, стремящегося к максимально быстрой и полной выгоде. Не менее значимым, с точки зрения автора, выступало желание Д. Трампа компенсировать успехами (зачастую иллюзорными) во внешней политике внутриполитическую слабость, вызванную противостоянием с Конгрессом.

Германская сторона, напротив, с сентября 2017 г. по март 2018 г. снизила внешнеполитическую активность в связи со сложной внутриполитической ситуацией. Страна переживала самый продолжительный в своей новейшей истории кризис формирования правительства. Новый кабинет удалось создать лишь через полгода после выборов в бундестаг. Последние отразили усиление позиции крайних – особенно правых – сил: впервые в бундестаг прошла «Альтернатива для Германии», чьё влияние продолжает расти[12].

Лейтмотивом двусторонних отношений ФРГ и США на втором этапе обострения противоречий стали попытки Берлина убедить партнёра в сохранении стратегических решений Запада, особенно по Ближнему и Среднему Востоку. Уже на пятый день после признания Д. Трампом Иерусалима столицей Израиля (с переносом посольства Соединённых Штатов) Германия заявила о своей приверженности курсу на создание Палестинского государства (включая части Иерусалима)[13]. Отстаивая эту линию в ходе рабочего визита в США 27 апреля 2018 года, А. Меркель (как незадолго до неё и Э. Макрон) подчеркнула важность сохранения иранской ядерной сделки[14]. Тем не менее 8 мая 2018 г. США вышли из соглашения в одностороннем порядке, спровоцировав оперативную и жёсткую реакцию всей «евротройки» – Германии, Франции и Великобритании[15]. Эти события стали вехой окончания второго и начала *третьего* (с июня 2018) этапа в развитии разногласий между США и ФРГ, который уместно обозначить как «встречное контрнаступление».

[10] Rede von Bundestagspräsident Prof. Dr. Norbert Lammert zur Eröffnung der 16. Bundesversammlung am 12. Februar 2017 im Reichstagsgebäude in Berlin //Bundestag. URL: http://www.bundestag.de/parlament/praesidium/reden/2017/003/492714 (дата обращения: 16.09.2019).

[11] См.: The Trump Presidency. Policy Outlook, scenarios and possible implications for the EU // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/epsc/publications/other-publications/trump-presidency_e (дата обращения: 20.08.2018).

[12] Ergebnisse der Bundestagwahlen. //Wahlrecht. URL: http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm (дата обращения: 20.08.2019).

[13] 360 grad Jerusalem // Bundesregierung. URL: https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel2017/12/2017-12-10-bkm-welcome-to-jerusalem.html (дата обращения: 20.08.2018).

[14] Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und US-Präsident Trump //Bundesregierung. URL: https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen2018/04/2018-04-27-pk-merkel-trump.html (дата обращения: 20.08.2018).

[15] Gemeinsame Erklärung Deutschlands, Frankreichs und Großbritanniens zum Rückzug der Vereinigten Staaten aus dem Nuklearabkommen mit Iran //Bundesregierung. URL: https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2018-05-09-gemeinsame-erklaerung-iran.html (дата обращения: 20.08.2018).

Таблица 1

Распределение германских войск в рамках ключевых миссий по борьбе с международным терроризмом, август 2019 г.

Операция	Resolute Support	Борьба с ИГ	MINUSMA	EUTM Mali	Всего
Страна (страны) проведения	Афганистан	Сирия, Ирак	Мали	Мали	**4**
Международная структура	НАТО	Западная коалиция	ООН	ЕС	**4**
Дата развёртывания контингента	2015 (после ISAF)	2015	2013	2013	
Фактическая численность военнослужащих (на 20.08.2018)	1173	439	861	163	**2636**
Формальный «потолок» (согласно мандату бундестага)	1300	800	1100	350	**3550**

Источник: составлено автором по данным: Anzahl der an internationalen Einsatzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr (Stand: 12 August 2019) // Statista. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/ (дата обращения: 20.08.2018).

Теоретически допустимы два основных варианта реагирования Германии на сугубо наступательную дипломатию администрации 45-го президента Соединённых Штатов: выдвижение ответных инициатив (в том числе шоковых решений) или жёсткая оборона, то есть сохранение принципиальных основ переговорной позиции в том виде, в каком она была до прихода Д. Трампа к власти. Практическая линия ФРГ представляет собой сочетание обоих с преобладанием второго.

В частности, в экономической сфере стратегическим шоком для Вашингтона стало согласие руководства ФРГ на строительство «Северного потока-2», декларированное на встрече А. Меркель и В.В. Путина 18 мая 2018 г. Федеральный канцлер последовательно отвергла попытки Д. Трампа представить это (в её представлении, чисто экономическое) решение как ослабление давления Запада на Россию [Donahue 2018].

В военно-политической области отдаление ФРГ от США проявляется не только в запуске платформы PESCO, но также в процессе урегулирования вооружённого конфликта на востоке Украины и при координации усилий по борьбе с международным терроризмом на Ближнем Востоке и в Африке. Германо-французский тандем взял на себя основную нагрузку в поиске решений «украинской проблемы» в период президентства Б. Обамы и продолжает эту линию при Д. Трампе (в том числе после победы на президентских выборах В. Зеленского в апреле 2019). Несмотря на очевидные трудности, ФРГ и Франция, равно как и Россия, считают безальтернативной основой урегулирования договорённости «Минска-2» и обсуждают шаги по их дореализации, в том числе российскую инициативу размещения миротворческого контингента ООН в дополнение к мониторинговой миссии ОБСЕ для замораживания конфликта[16]. «Нормандский формат» действует *параллельно* с запущенной в 2017 г. миссией спецпредставителя президента США по Украине К. Волкера. Руководство ФРГ, вернувшись к активному диалогу с Российской Федерацией на высшем уровне с весны 2017 года (в том числе в рамках «Сочинского формата»), не демонстрирует готовности к сращиванию политико-дипломатических усилий с США на украинском направлении, что могло бы привести к подрыву «Минска-2».

Показателен и практический подход Германии к использованию бундесвера в миссиях преимущественно антитеррористической направленности (табл. 1). По

[16] Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Wladimir Putin, 18. Mai 2018 // Bundesregierung. URL: https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2018/05/2018-05-18-pk-merkel-putin-sotschi.html (дата обращения: 16.09.2019).

состоянию на август 2019 г. в них были задействованы более 2,6 тысячи военнослужащих Германии при общей численности контингентов, размещённых вне зоны ответственности НАТО, в 3,1 тысячи человек[17]. Согласно мандату бундестага, бундесвер во всех этих миссиях должен выполнять небоевые задачи: поддержание мира (включая разведку), обучение и консультирование сил безопасности стран пребывания.

Как видно из приведённых данных, к выбору международных структур для использования бундесвера ФРГ подходит избирательно, причём наибольший разрыв между фактической и формальной численностью наблюдался у германского контингента в составе второй западной антитеррористической коалиции (создана в сентябре 2014 г. по инициативе США). Вступив в неё спустя 14 месяцев после учреждения, Германия занималась лишь разгрузкой партнёров, не втягиваясь в боевые действия (исключая случаи отрицаемой точечной силовой поддержки «умеренной оппозиции» в Сирии – в частности, в районе Алеппо в июне 2016). При этом основным контрагентом для ФРГ в рамках коалиции выступала Франция, а не США. Отстаивая эту линию ещё при администрации Б. Обамы, Германия не вносила в неё серьёзных коррективов, несмотря на растущую критику со стороны Д. Трампа. Более того, в марте 2018 г. потолок сил бундесвера в Сирии и Ираке был снижен с 1350 до 800 человек[18].

Основные военные усилия ФРГ концентрируются на флангах огромной «дуги нестабильности», протянувшейся от Западной Африки до Центральной Азии. Наращивая свои усилия в Сахеле – прежде всего в Мали – под эгидой ООН и ЕС, Германия на поле антитеррористической борьбы в Африке стала де-факто конкурировать с США, ведущих в национальном качестве борьбу с группировкой «Боко Хорам» на территории Нигерии. Официальный Берлин и Белый дом практически не координируют свои действия, при том что профильное региональное военное командование войск США АФРИКОМ (AFRICOM) находится на территории самой ФРГ.

Участие бундесвера в операции под эгидой НАТО «Resolute Support» в Афганистане (трансформирована из миссии ISAF в 2002–2014 годах) призвано не только закрепить стабильность в североафганских провинциях, но и продемонстрировать солидарность с США. Военное присутствие под эгидой Североатлантического альянса в Афганистане, как и в период кризиса 2002–2005 гг. представляет собой одну из немногих возможностей снизить разногласия Германии и Соединённых Штатов, особенно в рамках альянса.

Изыскивая возможности для улучшения отношений, ФРГ не отошла от стратегических императивов в отношениях с США; более того, официальный Берлин стал реализовывать упомянутую выше схему «активной обороны».

3

Новая концепция диалога с США была сформулирована в выступлении министра иностранных дел Х. Мааса перед дипломатическим корпусом в августе 2018 года. К тому времени Вашингтон почти исчерпал набор «шоковых» и в целом болезненных для Германии инициатив, что открыло ФРГ возможности для ответных действий, как симметричных, так и асимметричных. Х. Маас возложил на США ответственность за ослабление связей с Германией и вынужденное сближение государств–членов ЕС с державами за пределами евроатлантического сообщества (Россия, Китай), с которыми Запад конкурирует на значи-

[17] Anzahl der an internationalen Einsatzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr (Stand: 12. August 2019). //Statista. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/ umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/ (дата обращения: 20.08.2019).

[18] Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093, 07.03.2018. S. 6–12.

тельном числе направлений. Примечательна эмоциональность высказываний главы МИД ФРГ после заявления США о подготовке рестриктивных мер в связи с реализацией проекта «Северный поток-2». Это, как подчеркнул Х. Маас, означало бы, что впервые в один ряд объектов для введения новых санкций были поставлены Россия (как демонизируемый источник широкого спектра «угроз») и Германия – партнёр по евроатлантическим институтам. Развивая эту мысль, министр призвал к прагматичному гибкому реагированию на действия США по четырём векторам.

Во-первых, Германия продолжит вкладывать ресурсы в сферы сотрудничества, представляющие взаимный интерес – в первую очередь в сфере международной безопасности, ибо «как партнёры по НАТО или в борьбе с международным терроризмом американцы незаменимы для нас [ФРГ] на обозримую перспективу»[19]. Таким образом, допускается более тесная координация с Соединёнными Штатами на Ближнем Востоке – в том числе в Сирии.

Х. Маас подчеркнул, что ФРГ стремится принимать на себя повышенную ответственность, действуя как полноправный глобальный игрок. Упоминая о расширении участия Германии в деле урегулирования конфликтов, глава МИД ФРГ уточнил, что «речь идёт об Афганистане, *Колумбии* [курсив мой. – *Ф. Т.*], Ираке или также Сирии». Тем самым официальный список фокусных направлений приложения политико-военных усилий ФРГ стал включать в себя не только Центральную Азию (с 2000-х) и Ближний Восток (с 2010-х), но и Латинскую Америку. Ранее этот регион рассматривался в Берлине как зона исключительных интересов США.

Х. Маас отметил, что Германия готова нарастить использование своего политико-военного потенциала под эгидой Европейского Союза. Глава МИД страны отмечал: «...мы стремимся всемерно укреплять потенциал ЕС в области безопасности и обороны: при этом рамки военного вмешательства европейцев [ЕС] строго ограничены дипломатией, кризисным урегулированием и предотвращением конфликтов». Так власти ФРГ демонстрировали приверженность принципу «стратегической сдержанности» при использовании вооружённых сил на мировой арене.

Во-вторых, Германия и её партнёры по ЕС должны увеличивать масштаб вовлечённости – в финансовом, но прежде всего в политическом плане – в регионах, где США прилагали недостаточные усилия и даже сворачивали их. Были упомянуты Западные Балканы, Ближний Восток и Африка, то есть части мира, значимые для безопасности самого ЕС. Важными международными структурами для Германии министр назвал Всемирную торговую организацию и ООН – в том числе с учётом начала в 2018 г. двухлетнего срока непостоянного членства Германии в Совете Безопасности.

В-третьих, в ситуациях попрания Вашингтоном интересов ФРГ Берлин не должен бояться оперативно принять симметричные или асимметричные контрмеры. Эффективность этого подхода Х. Маас усмотрел в реакции на американский выход из иранской ядерной сделки. Её сохранение в силе после одностороннего решения США обусловливалось в первую очередь продолжением консультаций с Тегераном в формате «Е3».

В-четвёртых, ФРГ должна помнить о значимости отношений с Соединёнными Штатами и потому реализовывать все запланированные меры по их углублению. В частности, «год Германии в США» (с октября 2018) расширял возможности для

[19] Здесь и ниже цитаты из выступления министра Х. Мааса приведены по тексту, размещённому на сайте федерального правительства, см. Rede des Bundesministers des Auswärtiges, Heiko Maas, zur Eröffnung der 16. Botschafterkonferenz im Auswärtigen Amt am 27. August in Berlin // Bundesregierung. URL: https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2018/08/85-1-bmaa-botschafternonferenz.html (дата обращения: 20.08.2018).

создания более благоприятного имиджа Германии среди широких кругов американской общественности. Этот вектор реализации «мягкой силы» (с опорой на многочисленное германоязычное меньшинство в США) должен был стать основным в работе Посольства ФРГ и 8 генеральных консульств на территории Соединённых Штатов в ближнесрочной перспективе[20].

Последующие события показали, как описанная концепция реализуется на практике. В частности, 14 июля 2019 года, в четвёртую годовщину подписания Соглашения о всеобъемлющем плане действий (СВПД), страны «евротройки» (Германия, Франция и Великобритания) заявили о своей принципиальной приверженности соглашению и жёстко раскритиковали действия администрации Д. Трампа[21]. Этот дипломатический демарш был предпринят в русле стратегии официального Берлина, направленной на сохранение СВПД и, шире, на деэскалацию напряжённости вокруг Ирана, создаваемой действиями США, Израиля, Саудовской Аравии и Объединённых Арабских Эмиратов. Ранее, осенью 2018 – весной 2019, было введено полугодовое эмбарго на поставки германских вооружений и военной техники в обе указанные монархии Аравийского полуострова. Затем Берлин выступил с предварительно проработанной с Великобританией и Францией инициативой по развёртыванию военно-морской мониторинговой миссии под эгидой ЕС/Е3 по обеспечению безопасности мореходства в Персидском заливе[22]. Ещё ранее – 10 июня 2019 г. – в условиях растущего давления на Иран в Тегеран совершил визит Х. Маас[23]. Позднее иранский министр иностранных дел оказался в числе приглашённых на саммит «группы семи» в Биаррице (24–27 августа 2019), и Д. Трамп был поставлен перед свершившимся фактом. Эти примеры иллюстрируют реализацию подхода, сформулированного Х. Маасом 27 августа 2018 года.

4

Администрация Д. Трампа настаивает на увеличении военных расходов в соответствии с решениями Уэльского саммита НАТО до уровня не менее чем 2% ВВП, требуя от Германии скорейшего выхода на данный показатель. В дополнение к этому на первом этапе обострения двусторонних отношений президент Соединённых Штатов потребовал от ФРГ выделения 375 млрд долларов[24], чтобы компенсировать «задолженность» перед НАТО с 1990 года. А. Меркель сочла это требование провокационным, призвав не сводить к финансовому аспекту огромный исторический задел политико-военного сотрудничества в рамках Североатлантического альянса. В итоге Д. Трамп снял его с повестки дня, что, однако, не исключает возможности возвращения американской администрации к вопросу компенсации.

На Брюссельском саммите НАТО (11–12 июля 2018) Д. Трамп поставил вопрос об увеличении минимального обязательного показателя расходов на военные цели с 2% до 4%, однако не получил поддержки союзников. Ключевая причина неудачи президента – заранее согласованная при активном участии ФРГ негативная позиция

[20] Rede des Bundesministers des Auswärtiges, Heiko Maas, zur Eröffnung der 16. Botschafterkonferenz im Auswärtigen Amt am 27. August in Berlin // Bundesregierung. URL: https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2018/08/85-1-bmaa-botschafternonferenz.html (дата обращения: 20.08.2018).

[21] E3 statement on the Joint Comprehensive Plan of Action: 14 July. Pressemitteilung 14.07.2019. // Auswärtiges Amt. URL: https://teheran.diplo.de/ir-de/aktuelles/-/2233350 (дата обращения: 16.09.2019).

[22] "Chancen für die Diplomatie offenhalten". Außenminister Heiko Maas sagte gegenüber der Funke-Mediengruppe zur Lage am Persischen Golf. Interview. Auswärtiges Amt. 27.07.2019. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-funke/2235780 (дата обращения: 16.09.2019).

[23] *Klaus Remme.* Maas im Iran. "Wir bemühen uns nach Kräften". Tagesschau. 10.06.2019. URL: https://www.tagesschau.de/ausland/maas-iran-117.html (дата обращения 20.08.2019).

[24] Трамп выставил Меркель счёт за НАТО на $375 млрд. URL: https://vpk-news.ru/news/35847 (дата обращения: 16.09.2019).

к данному вопросу большинства европейских стран–участниц объединения, в том числе из Восточной Европы и Балтии. Тем не менее Вашингтон декларирует в качестве успеха положительную в целом динамику роста военных расходов европейских стран–участниц НАТО [Dobbin 2018]. Германия выбивается из этой тенденции, выделяя на военные цели 1,18–1,2% ВВП (табл. 3). По оценкам германских аналитиков, Берлин не планирует увеличивать этот показатель более чем до 1,3% до 2021 года [Glatz, Zapfe 2018: 7]. В этой связи наиболее вероятны два основных сценария: либо быстрый «рывок» до отметки в 2% в 2022–2023 годах, либо постепенный рост с выходом на уровень 1,6–1,7% к 2024 году [Kamp 2016: 2–3]. На выбор из этих двух опций будут оказывать влияние как внутриполитическая обстановка (партнёр ХДС по «большой коалиции» СДПГ выступает против резкого роста военных расходов в ущерб социальным выплатам), так и внешние обстоятельства.

Категоричность администрации Д. Трампа в отношении ФРГ обусловлена колоссальной разницей между постепенно реализуемыми амбициями восходящего гло-

Таблица 2

Доля расходов на оборону в ВВП некоторых стран НАТО, %

Страна	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**
Великобритания	2,40	2,17	2,27	2,17	2,06	2,15	2,11	2,10
Германия	*1,28*	*1,31*	*1,22*	*1,18*	*1,18*	*1,20*	*1,24*	*1,24*
Франция	1,86	1,87	1,86	1,82	1,78	1,79	1,78	1,81
Италия	1,30	1,24	1,20	1,08	1,01	1,12	1,15	1,15
Польша	1,72	1,74	1,72	1,85	2,22	2,00	1,89	1,98
Турция	1,64	1,59	1,52	1,45	1,39	1,46	1,52	1,64
В среднем европейские страны НАТО	**1,55**	**1,52**	**1,49**	**1,44**	**1,42**	**1,44**	**1,46**	**1,50**
США	*4,78*	*4.42*	*4,08*	*3,77*	*3,56*	*3,56*	*3,57*	*3,50*
Канада	1,23	1,10	0,99	1,01	1,20	1,15	1,36	1,23
В среднем страны НАТО	**2,97**	**2,81**	**2,64**	**2,48**	**2,39**	**2,40**	**2,42**	**2,40**

Источник: составлено автором на основе: Defence Expenditure of NATO Countries (2011–2018). COMMUNIQUE PR/CP(2018)091. Brussel, 2018. P. 8.

Таблица 3

Расходы на оборону некоторых стран–участниц НАТО, млн долл., в ценах 2018 г.

Страна	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**
Великобритания	58,016	62,258	65,658	59,492	56,964	55,344	61,508
Германия	*46,470*	*45,931*	*46,102*	*39,813*	*41,950*	*45,580*	*51,009*
Франция	50,245	52,316	51,940	43,474	44,191	46,036	52,025
Италия	26,448	26,658	24,448	19,566	22,373	23,852	25,780
Польша	8,710	9,007	10,104	10,596	9,405	9,935	12,088
Турция	13,895	14,427	13,583	11,957	12,649	12,972	15,129
Всего европейские страны НАТО	**263,65**	**269,43**	**270,17**	**235,12**	**237,92**	**250,29**	**285,74**
США	*712,947*	*680,856*	*653,942*	*641,253*	*656,069*	*685,957*	*706,063*
Канада	19,994	18,221	18,150	18,685	17,711	22,467	21,601
Всего страны НАТО	**996,60**	**968,51**	**942,26**	**895,06**	**911,69**	**958,71**	**1 013,40**

Источник: составлено автором на основе: Defence Expenditure of NATO Countries (2011–2018). COMMUNIQUE PR/CP(2018)091. Brussel, 2018. P. 7.

бального лидера и существенно меньшими, чем даже у партнёров по «евротройке» (как в абсолютном, так и относительном выражениях), военными расходами (см. табл. 2 и 3).

США добиваются от ФРГ не только роста военных расходов, но и отхода от модели строительства вооружённых сил 1990-х – середины 2010-х годов, включавшей в себя три ключевых компонента:

1) неуклонное сокращение общей численности личного состава (с 495 тыс. в 1985 г. до 180 тыс. в 2015–2018 годах) [von Bredow 2017], парка вооружений и военной техники бундесвера за счёт войск территориальной обороны;

2) создание, наращивание и использование немногочисленных высокомобильных сил кризисного реагирования (СКР) для решения в рамках концепции «стратегической сдержанности» широкого круга проблем безопасности вне зоны ответственности НАТО;

3) сохранение относительно невысоких расходов на оборону (с фокусом на финансирование СКР) как важного инструмента сбалансированного внутреннего социально-экономического развития.

Анализ текста Белой книги по безопасности 2016 г.[25] убеждает в том, что германский истеблишмент нацелен на пересмотр 1-й и 3-й компонент в сторону повышения всех количественных показателей, что отвечает позиции Вашингтона. Уже в сентябре 2018 г. были обнародованы планы Министерства обороны ФРГ по наращиванию численности военнослужащих и вооружений – прежде всего той их части, что предназначена для обеспечения территориальной обороны в Европе[26]. Вместе с тем официальный Берлин не устраивает жёсткий тон требований Вашингтона и навязываемая высокая скорость изменений.

Настаивая на росте военных расходов ФРГ, Вашингтон вынуждает Германию выделять больше ресурсов (и не только финансовых) в состав группировок НАТО. Проводимая поэтапно с начала 1990-х годов реорганизация бундесвера привела к уменьшению степени его интеграции в альянс (в первую очередь за счёт переподчинения и использования войск под эгидой ЕС и ООН), что вызвало недовольство Соединённых Штатов. Давление Вашингтона на Берлин усиливается в условиях сохраняющейся (и растущей по ряду треков) напряжённости в отношениях Запада с Россией.

В рамках очерёдности в 2014–2015 гг. Германия (совместно с Нидерландами и Норвегией) приняла основную нагрузку по комплектованию сил быстрого реагирования НАТО (СБР, NATO Response Force), которые были численно увеличены с 15 до 40 тысяч. СБР, комплектуемые контингентами европейских стран–участниц блока (с ротацией каждые 12 месяцев в рамках 7-летнего цикла), представляют собой мощный мобильный резерв альянса. Бундесвер также участвует в формировании группировок сил передового развёртывания (СПР) у восточных рубежей НАТО, отправляя фрегаты и тральщики в состав 1-й постоянной морской и 1-й постоянной контрминной групп (1-я ПМГ и 1-я ПКМГ) в акватории, омывающие Европу с севера (Балтийское море), и в состав 2-й ПМГ и 2-й ПКМГ – с юга (Средиземное море). Самолёты и экипажи люфтваффе включены в состав Миссии по патрулированию воздушного пространства стран Балтии, а также создаваемого аналога в Румынии и Болгарии [Трунов 2017]. С 2017 г. бундесвер комплектует «рамочную основу» (450 военнослужащих из общего количества в 1,1 тысячи) одной из многонациональных батальонных тактических групп (БТГ) СПР НАТО, которая дислоцирована в Литве[27]. На Брюссельском саммите НАТО 2018 г. ФРГ поддержала предложение создать в

[25] Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. 2016. Berlin: Verteidigungsministerium, 2016. S. 88–126.

[26] Zurück zur Kernaufgabe. Neue Struktur der Bundeswehr. Tagesschau. 2018. URL: https://www.tagesschau.de/inland/bundeswehrprofil-101.html (дата обращения: 16.09.2019).

[27] *Silvia S.* Wenig Resonanz auf Propaganda. NATO. URL: https://faktenfinder.tagesschau.de/ausland/bundeswehr-litauen-107.html (дата обращения: 16.09.2019).

составе альянса, в дополнение к СБР, 30 постоянных БТГ, каждый со своим национальным командованием и вертолётной эскадрильей поддержки[28]. С 1 января 2019 г. досрочно на последующие 12 месяцев бундесвер принял на себя ответственность за комплектование «рамочной основы», в том числе всей наземной компоненты, бригады сверхвысокой боевой готовности СБР НАТО[29], что свидетельствует о растущей собственно военной нагрузке Германии в альянсе.

Важная причина, по которой США требуют от ФРГ увеличения военных расходов и объёма участия в альянсе, заключается в стремлении нарастить свой военный экспорт в Германию. Этот мотив важен для Д. Трампа, который стремится вернуть реальные производства в Соединённые Штаты. На пути к достижению поставленных целей президент США использует любые доступные ему инструменты, часто не учитывая «эффект бумеранга» от их применения. В частности, в преддверии саммита НАТО в Брюсселе (11–12 июля 2018) он заявил о возможном сокращении контингента войск США на территории ФРГ (35 тысяч в 2018 г.) с частичным переводом в Польшу. Проводя аналогию с Республикой Корея[30], президент заявил о нецелесообразности содержать столь крупные группировки за границей и тем более на территории партнёров, не склонных считаться с интересами Соединённых Штатов[31]. В рамках ориентированного на получение скорейшей выгоды подхода, который исповедует Трамп, сокращение войск США в Германии выглядит логичным. *Во-первых*, у Вашингтона недостаточно войск для одновременного сдерживания Китая и России. Следовательно, как резерв для наращивания войск передового развёртывания потенциально могут использоваться контингенты в странах, расположенных в глубине зоны ответственности НАТО. *Во-вторых*, в понимании Д. Трампа перевод части войск из Германии в Польшу стал бы одновременно «пряником» для последней и «кнутом» для первой.

Дальнейшие события показали, что заявление американского президента было блефом, маскировавшим истинные намерения нарастить американское военное присутствие в ФРГ. В сентябре 2018 г. Министерство обороны США заявило о планах по размещению дополнительных 1,5 тысячи солдат и офицеров на её территории к концу 2020 года[32]. Впрочем, это не исключает новой фазы политического жонглирования данной темой. Например, в августе 2019 г. известный своей близостью к Д. Трампу американский посол в Германии Р. Гренелл вновь призвал к переводу части американских войск в Польшу в связи с тем, что ФРГ слишком медленно наращивает свои военные расходы[33].

А заинтересована ли Германия в сохранении военного присутствия США на своей территории? По глубокому убеждению автора, ответ на этот вопрос отрицательный. Сокращая своё военное присутствие, США

[28] Brussels Summit Declaration. NATO. 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (дата обращения: 20.08.2018).

[29] NATO Response Force (NRF) Fact Sheet. NATO. 2019. URL: https://jfcbs.nato.int/page5725819/nato-pesponse-force-nrf-fact-sheet (дата обращения: 20.08.2019).

[30] Ко времени переговоров Трампа с Ким Чен Ыном (2018 год) в Республике Корея было дислоцировано 32 тысячи военнослужащих США.

[31] U.S. assessing cost of keeping troops in Germany as Trump battles with Europe. Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/us-assessing-cost-of-keeping-troops-in-germany-as-trump-battles-with-europe/2018/06/29/94689094-ca9f-490c-b3be-b135970de3fc_story.html?noredirect=on&utm_term=.63bd9ee7fb1a (дата обращения: 16.09.2019).

[32] U.S. military to send 1,500 more soldiers to Germany by late 2020. Reuters. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-military-germany/u-s-military-to-send-1500-more-soldiers-to- germany-by-late-2020-idUSKCN1LN299 (дата обращения: 16.09.2019).

[33] *Melissa Leon*. US threatens to pull troops from Germany if no increase in NATO defence spending // Fox News. URL: https://www.foxnews.com/world/us-troops-germany-nato-defense (дата обращения: 16.09.2019).

демонтируют механизм контроля над строительством вооружённых сил ФРГ, эффективно действующий со времени «холодной войны», что может упрочить германское лидерство на всех уровнях. Нельзя игнорировать и логистической ценности Германии: именно через её аэродромы (особенно Рамштайн) традиционно проводится значительная часть перемещений войск США в другие регионы. В этой связи перевод AFRICOM в Польшу из Германии отнюдь не повысит эффективность руководства войсками США в Африке.

Примечательно, что заявление о возможном сокращении военного присутствия США в Германии Д. Трамп сделал без предварительного согласования с советниками[34]. Это показывает, что 45-й президент США готов к авантюристским шагам, грозящим нанести ущерб интересам Соединённых Штатов, ради повышения эффективности давления на Германию. В этой связи актуален вопрос о влиянии рассматриваемого обострения на отношения обеих стран с Российской Федерацией.

5

Кризис в отношениях США с европейскими партнёрами, в том числе ФРГ, потенциально открывает «окно возможностей» для России, позволяя искать компромиссы не только и не столько с Западом в целом, сколько с ключевыми его державами по отдельности. В частности, параллельно с вновь запущенным с 2017 г. ежегодным «Сочинским форматом» диалога с ФРГ на высшем уровне в 2018 г. произошло и возобновление прямых контактов президента России с руководством США. Это позволяет с некоторой долей вероятности рассчитывать на выработку как с Германией, так и с Соединёнными Штатами промежуточных вариантов урегулирования (по Украине, Приднестровью, Сирии [Тренин, 2018], иранской «ядерной сделке» [Murciano, 2018: 2–4]), и даже итоговых решений *по отдельным* вопросам международной безопасности, предотвращая снижение объёма взаимодействия.

В среднесрочной перспективе преодоление накопившихся противоречий в «эпоху пост-Трампа» потребует от всех государств Запада не только желания, но и крупных инвестиций (включая политические), что может привести к временному сокращению возможностей стран–участниц евроатлантического сообщества действовать вне традиционной зоны ответственности. Это до определённой степени облегчит отстаивание интересов России в стратегически важных для неё регионах (особенно на пространстве СНГ и Ближнем Востоке).

Вместе с тем стратегическая сделка Российской Федерации с Германией, равно как и США, представляется маловероятной даже в среднесрочной перспективе. Обе западные державы не готовы к быстрому демонтажу тех мощных инструментов усиления НАТО, которые создаются с 2014 г. и активно используются у границ России (на ротационной основе и во время учений). Д. Трамп является сторонником идеи сильных, то есть де-факто суверенных, национальных государств, что перекликается с традиционными приоритетами российской внешней политики. В то же время затяжной и многомерный конфликт президента с Конгрессом вкупе с подходом Д. Трампа к международным проблемам как бизнесмена, а не опытного «игрока в долгую» делают малореалистичным выход на стратегические договорённости Вашингтона и Москвы.

В свою очередь, элиты ФРГ (особенно политики и в меньшей степени технократы) остаются проводниками традиционной для «коллективного» Запада идеи глобализации – в первую очередь посредством распространения прямого и опосредованного влияния ЕС. Особенно отчётливо эта позиция видна в стремлении к неуклонному расширению внешней торговли Германии и упрочению её позиций как центра миротворче-

[34] Прослеживается аналогия с резко сокращёнными (3–4 года вместо 10–20 лет) сроками вывода советских войск из ГДР, озвученными президентом СССР М.С. Горбачёвым в ходе встречи с канцлером ФРГ Г. Колем 15 июля 1990 года, также до консультаций со специалистами.

ства и поддержания мира, то есть полновесного политико-военного игрока, на глобальном уровне. Эти принципиальные расхождения внешнеполитических линий России и ФРГ позволяют им достигать тактических успехов (пример – «Минск-2»), но отнюдь не стратегических договорённостей.

* * *

Германский истеблишмент, стремясь к утверждению ФРГ в качестве параллельного США центра притяжения в евроатлантическом сообществе, планировал находиться в отношении Соединённых Штатов в мягкой фронде (особенно по политико-военным вопросам), но отнюдь не вступать в противостояние по всем трекам, включая экономические. В условиях современного глубокого спада в отношениях ФРГ вынуждена брать на себя полномасштабное лидерство раньше.

Неготовность к этому части германской политической элиты проявилась в той в целом оборонительной дипломатической позиции, которую Германия заняла в ходе первого и отчасти второго этапов обострения отношений с США. Вместе с тем официальный Берлин не перешёл к реактивной политике (особенно в ответ на порождаемые партнёром стратегические шоки), но стремится проводить проактивную линию, контуры которой были очерчены Х. Маасом 27 августа 2018 года. В тех вопросах, где ФРГ не может не идти навстречу партнёру (в первую очередь увеличение военных расходов на оборону до 2 % от ВВП), А. Меркель принимает «отложенные решения», добиваясь расширения возможностей политического манёвра.

Вероятность сглаживания большинства противоречий между США и ФРГ в краткосрочной и среднесрочной перспективе невелика. Вашингтон не только не демонстрирует готовности к компромиссам, но, напротив, ужесточает переговорную позицию. В свою очередь, Германия не готова быстро идти навстречу растущим требованиям Соединённых Штатов. При этом Берлин не только реализует *асимметричные* меры (например, использование бундесвера в рамках антитеррористической деятельности вне формата западной коалиции под эгидой Вашингтона), но и *симметричные* шаги (запуск платформы PESCO, продолжение переговоров с Ираном по «ядерному проекту» в формате «евротройки»).

Подход Германии к партнёрству с Соединёнными Штатами Америки можно охарактеризовать формулой «маятника». Стремясь к постепенному улучшению отношений с США на равноправной основе – особенно в эпоху «пост-Трампа», ФРГ *одновременно* будет усиливать европейскую опору Запада в широком (ЕС) и узком (германо-французский тандем с участием Нидерландов) смыслах, добиваясь укрепления своих позиций в НАТО. Вопрос лишь в том, какое из двух стратегических направлений получит приоритет во внешней политике Германии на конкретном временном отрезке.

На долгосрочную перспективу более значимым для ФРГ видится европейский, а не атлантический вектор, и причины такого соотношения не исчерпываются многогранным затяжным обострением, который инициировал Д. Трамп. Ключевую роль играет стремление истеблишмента Германии (как доминирующих глобалистов, так и апологетов национального суверенитета) к упрочению лидерства на региональном и мировом уровнях.

Список литературы

Арзаманова Т.В. Позиция Германии во время ливийского кризиса-2011: Новая внешнеполитическая стратегия или предвыборный манёвр? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2011. № 26 (42). С. 11–15.

Пименова Е.В. «Трансатлантический мост» под ударом: чем обернётся кризис в отношениях ФРГ и США // Сравнительная политика. 2019. № 1. С. 148–156.

Тренин Д.В. Россия и Германия: от отчуждения к новому соседству // Московский центр Карнеги. Май 2018. URL: https://carnegie.ru/2018/05/31/ru-pub-76743

Трунов Ф.О. Двусоставная модель развития вооружённых сил ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 179–200.
Трунов Ф.О. Политика ФРГ в НАТО и украинские события // Современная Европа. 2016. № 5. С. 33–43.
von Bredow W. Die Geschichte der Bundeswehr. Berlin: Palm Verlag, 2017. 160 S.
von Daniels L. Die Handelspolitik der US-Regierung // SWP-Aktuell. Juli 2018. № 40. 4 S.
Dobbin J. A look at NATO Funding. RAND-Corporation. July 2018. URL: https://www.rand.org/blog/2018/07/a-look-zt-nato-funding.html
Donaque P. Merkel rejects Trump`s link between EU trade, defense spending. Bloomberg. July 2018. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-07-12/merkel-rejects-trump-s-link-between-eu-trade-defense-spending
Dröge S. Climate and Security Revisited // SWP-Aktuell. August 2018. № 34. 4 p.
Glantz R.L., Zapfe M. Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO // SWP-Aktuell. August 2018. № 62. 8 S.
Kamp K.-H. Verpflichtungen in der NATO. Mehr Geld für die Bundeswehr // Arbeitspapier Sicherheitspolitik. Bundesakademie für Sicherheitspolitik. 2016. № 12. 4 S.
Lake E. Trump, Macron and Merkel have an opportunity in Iran`s crisis. Bloomberg. April 2018. URL: https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-04-24/iran-nuclear -trump-macron-merkel-should-agree-to-stall
Lough J. Germany`s Russia Challenge (Fellowship monograph). Naples: Research Division NATO Defense College, 2018. 47 p.
Maior C. Ein schwieriger Gipfel für die NATO // SWP-Aktuell. Juni 2018. № 33. 4 S.
Meier O. Rüstungskontrolle jenseits des INF-Vertrags // SWP-Aktuell. April 2019. № 20. 4 S.
Murciano G. Preventing a Spillover of the Iran-Israel Conflict in Syria // SWP-Aktuell. July 2018. № 27. 8 p.
Overhaus M. Eine Frage der Glaubwürdigkeit. Konventionelle und nukleare Sicherheitszusagen der USA in Europa // SWP-Studie. Juni 2019. 42 S.
Rudolf P. US-Geopolitik und nukleare Abschreckung in der Ära neuer Großmachtrivalitäten // SWP-Studie. Mai 2018. 30 S.
Rudolf P. Nicht allein Trump ist das Problem – Zum Umgang Deutschlands mit den USA. // SWP-Aktuell. Oktober 2018. № 57. 8 S.
Schmieg E. Macht im internationalen Handelssystem // SWP-Aktuell. Juli 2018. № 37. 4 S.
Schulz R. Streitkräfte europäischer denken // SWP-Aktuell. September 2019. № 48. 4 S.

CRISIS IN RELATIONS BETWEEN GERMANY AND THE USA

PHILIPP TRUNOV
INION RAS, Moscow, 117997, Russian Federation

Abstract

During the second half of 2010-s the West faces the full-scale challenges not only outside but within. The sources of the threats became the USA and the United Kingdom, They traditionally played the key role in creation and dynamic development of Euro-Atlantic society but now some of their steps are the challenges for it. Trump`s administration has been trying to transform deeply the Euro-Atlantic community. These plans include the revision of political behavior norms and the limitation of the role of multilateral structures. Germany tries to play the role of the key protector of traditional Western political rules. Since the 1990-s Germany affirmed the regional power. Since the beginning of the XXI century the country tries to achieve the role of global power. The modern processes in the Euro-Atlantic regional system widen the window of opportunity for the strengthening of German leadership at all levels. The goal of the article is to explore the dynamics, interim results and perspectives of the relations between the USA and Germany

during Trump`s presidency. The focused field of the relations is the political-military sphere. The key research methods are event-analysis and comparative analysis.

The paper tries to compare two crises in US-German relations (2002–2005 and modern) based on the distinguished parameters. The article shows non-linear dynamics and more versatile character of the modern one (first of all in the sphere of security and in NATO in particular). The scientific research distinguishes three key periods in the bilateral relations during Trump`s presidency. The article also explores the features of the usage by Germany its political-military tools during every period as an answer to the ,especially offensive Trump`s diplomacy, including his initiation of the ,,strategic shocks,, for German partner. The research paper investigates the concept of the answer behavior which was formulated by September 2018. In this regard the paper pays attention to Russian opportunities in the deepening dialog with Germany and the USA during the crisis in their relations. The article concludes about opportunities of overcoming of the crisis by Germany and the United States.

Keywords:

Germany; USA; Trump; foreign policy; NATO; international security; international terrorism.

References

Arzamanova T.W. (2011). Positziya Germanii vo vremya livijskogo krizisa-2011: novaya vneshnepoliticheskaya strategiya ili predvibornyi manyevr? [German position during Libyan crisis-2011: the new foreign policy strategy or manevour before the elections?]. *Evropeyskaya bezopasnost': sobityia, otzenki, prognozi.* 26 (42). P. 11–15.

Dobbin J. (2018). A look at NATO Funding. *RAND-Corporation.* July. URL: https://www.rand.org/blog/2018/07/a-look-zt-nato-funding.html

Donaque P. (2018). Merkel rejects Trump`s link between EU trade, defense spending. *Bloomberg*. July. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-07-12/merkel-rejects-trump-s-link-between-eu-trade-defense-spending

Dröge S. (2018). Climate and Security Revisited. *SWP-Aktuell.* August. № 34. 4 p.

Glantz R.L., Zapfe M. (2018). Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO. *SWP-Aktuell.* August. № 62. 8 S.

Kamp K.-H. (2016). Verpflichtungen in der NATO. Mehr Geld für die Bundeswehr. Arbeitspapier Sicherheitspolitik. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik*. Vol. 12. 4 S.

Lake E. (2018). Trump, Macron and Merkel have an opportunity in Iran`s crisis. *Bloomberg*. April. URL: https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-04-24/iran-nuclear-trump-macron-merkel-should-agree-to-stall

Lough J. (2018). *Germany's Russia Challenge (Fellowship monograph)*. Naples, Research Division NATO Defense College. 47 p.

Maior C. (2018). Ein schwieriger Gipfel für die NATO. *SWP-Aktuell.* Juni. № 33. 4 S.

Meier O. (2019). Rüstungskontrolle jenseits des INF-Vertrags. *SWP-Aktuell.* April. № 20. 4 S.

Murciano G. (2018). Preventing a Spillover of the Iran-Israel Conflict in Syria. *SWP-Aktuell.* July. № 27. 8 p.

Overhaus M. (2019). Eine Frage der Glaubwürdigkeit. Konventionelle und nukleare Sicherheitszusagen der USA in Europa. *SWP-Studie.* Juni. 42 S.

Pimenova E.V. (2019). «Transatlanticheskij most» pod udarom: chem obernetsja krizis v otnoshe-nijah FRG i SShA ["Transatlantic Bridge" under attack: what will the crisis be in relations between Germany and the USA]. *Sravnitel'naja politika.* 1. P. 148–156.

Rudolf P. (2018a). US-Geopolitik und nukleare Abschreckung in der Ära neuer Großmachtrivalitäten. *SWP-Studie.* Mai. 30 S.

Rudolf P. (2018b). Nicht allein Trump ist das Problem – Zum Umgang Deutschlands mit den USA. *SWP-Aktuell.* Oktober. № 57. 8 S.

Schmieg E. (2018). Macht im internationalen Handelssystem. *SWP-Aktuell.* Juli. № 37. 4 S.

Schulz R. (2019). Streitkräfte europäischer denken. *SWP-Aktuell.* September. № 48. 4 S.

Trenin D.V. (2018). Rossia i Germania: ot otchuzhdenia k novomy sosedstvy [Russia and Germany: from trangement to the new neighbourhood?]. Mai. *Moscow Carnegie Center.* URL: https://carnegie.ru/2018/05/31/ru-pub-76743

Trunov Ph.O. (2016). Politika NATO i ukrainskickie sobitiya [German policy in NATO and the Ukranian events]. *Sovremennaya Evropa.* Vol. 5. P. 33–43.

Trunov Ph.O. (2017). Dvysostavnaya model` razvitya vooruzhunnich sil FRG [The dual model of the development of German armed forces]. *Vestnik MGIMO-Universiteta.* 3 (54). P. 179–200.

von Bredow W. (2017). *Die Geschichte der Bundeswehr.* Berlin, Palm Verlag. 160 S.

von Daniels L. (2018). Die Handelspolitik der US-Regierung. *SWP-Aktuell.* Juli. № 40. 4 S.